

УДК 342.72/73(477)

Д. Гараджаев,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного права юридического факультета
Бакинского государственного университета,
судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Актуальность исследуемой темы состоит в том, что в правовом государстве, в котором основная роль в обеспечении правосудия и в целом справедливости в обществе и государстве отведена судам, практическую актуальность представляет принцип правовой определенности. Не затрагивая природу и сущность справедливости, так как это не является предметом статьи, следует предположить, что основное условие справедливости в праве – это наличие некоей системы общечеловеческих, моральных, этических ценностей, отраженных в законодательстве и судебных решениях. От наличия справедливости в нормативно-правовых актах и судебной практике зависит доверие каждого к правовой системе и публичной власти. Поэтому в соответствии с принципом правовой определенности любой нормативный акт или судебное решение является эффективным регулятором отношений только в том случае, если носит определенный качественный справедливый характер и содержит пропорциональные меры правового регулирования.

Таким образом, справедливость в законе и судебной практике должна быть безупречной и ожидаемой. За последние пять лет (с 2010 года до первого полугодия 2015 года включительно) Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее – КС АР) более чем в 30 решениях сослался

на принцип правовой определенности и отметил важность этого принципа с позиции гарантий прав и свобод человека. Строгое соблюдение принципа правовой определенности повышает в обществе веру в верховенство закона, судебную справедливость и беспристрастность. Именно поэтому принцип правовой определенности играет особенно важную роль в обеспечении защиты прав и свобод человека.

К числу авторов, исследовавших эту тему, относятся У. Бернам, Г.А. Гаджиев, К.А. Коваленко и другие. Однако в их работах принцип правовой определенности не рассматривается с точки зрения его использования либо Европейским судом по правам человека, либо в Азербайджанской Республике.

Целью статьи является выявление роли органов конституционного правосудия в обеспечении принципа правовой определенности.

Выражающий верховенство закона принцип правовой определенности в теории права рассматривается в двух критериях: с позиции *нормообразования* и *судебной практики*. Среди первых решений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) принцип правовой определенности отмечался только с позиции его наличия в законодательстве. Позже в деле «Крюслен против Франции» от 24 апреля 1990 года ЕСПЧ впервые отметил, что под словом «закон» с точки зрения

Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека понимается нормативно-правовой акт, такой как закон и судебная практика [1].

Естественно, что ЕСПЧ, давая определение принципа правовой определенности, ставит на первое место «качество закона», указывая его важность. Касаясь качества закона, ЕСПЧ отмечает, что «закон» должен определять правовые нормы как ясные, однозначные, не противоречащие друг другу. Эти требования были указаны еще в 1979 году в решении по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» [2]. Далее ЕСПЧ в большом количестве решений указал на важность качества закона с точки зрения правовой определенности (например, в решениях по делам «Барановский против Польши» 2000 года, «Йечиус против Литвы» 2000 года, «Ракевич против России» 2003 года, «Игнатов против России» 2007 года, «Владимир Соколов против России» 2007 года) [3].

КС АР, проведя тест отдельных норм законодательства на правовую определенность, также указал на важность «качества закона». В Постановлении Пленума КС АР «О толковании статей 59.1.9 и 60 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики» указано: «Принцип правовой определенности выступает в качестве одной из особенностей верховенства права. Соответствие каждого закона или каждого его положения принципу правовой определенности крайне важно. Для его обеспечения правовые нормы должны быть определенными и недвусмысленными. Это, в свою очередь, должно создавать каждому возможность защищать свои права и свободы, предвидеть действия правоприменителя» [4].

Азербайджанское конституционное законодательство ставит особые требования к параметрам качества закона. Конституционный Закон Азербайджанской Республики «О нормативно-правовых актах» от 21 декабря 2010 года указывает, что проекты нормативно-правовых актов должны проходить

обязательную экспертизу, а правовая техника нормативно-правовых актов должна соответствовать определенным требованиям [5].

Правовую определенность в нормообразовании, являющуюся качественной особенностью норм закона, следует отличать от амбивалентности. В процессе конституционного контроля при толковании нормы закона социальная справедливость, экономическая необходимость, в общем экономические и социальные противоречия в зависимости от взглядов могут оцениваться по-разному. Например, Федеральный конституционный суд Германии с целью неприкосновенности права на жизнь признал криминализацию проведения абортот конституционной, при этом по определенным социальным причинам не исключив в особых случаях проведение абортот [6, с. 246]. Г.А. Гаджиев считает, что порой законодатель, решая, что означает тот или иной конституционный принцип, обнаруживает серьезные экономические и социальные противоречия. Естественно, этим не должны оправдываться случаи (к сожалению, не единичные) появления в актах конституционного судопроизводства недостаточно определенных представлений [7, с. 13].

Таким образом, в законодательстве по объективным причинам могут создаваться противоречия, и в результате их судебном-конституционном разбирательства может последовать их исключение (либо обоснование, исходя из социально-экономической необходимости). Тем самым в судебной практике и в специальных актах конституционного суда заново утверждается важность правовой определенности.

КС АР в своих постановлениях, затрагивая вопрос «качества закона», настаивает на ясности и обоснованности судебных актов с точки зрения принципа правовой определенности. Тем самым КС АР в целом считает важным наличие качества нормативно-правовых актов посредством их обоснованности.

В связи с жалобой И.М. Шабановой Пленум КС АР отмечает, что принцип правовой определенности, помимо других требований, в самом общем смысле подразумевает ясность и определенность, относящиеся к существующему правовому положению. С этой точки зрения в принимаемых судами решениях следует внести ясность во все вопросы, касающиеся разрешаемого дела, устранить противоречивые моменты. В судебных актах, выносимых от имени Азербайджанской Республики, не должно быть положений, ставящих под сомнение справедливость решения дела, создающих противоречия и влияющих на конституционное право участников спора на судебную защиту [8].

Основным критерием принципа правовой определенности в судебной практике является то, что недопустимым следует признать оспаривание вступившего в законную силу последнего решения суда. В противоположном случае обеспечение справедливого судебного разбирательства может продлиться на длительный период и стать причиной нарушения любого разумного (допустимого) срока судебного разбирательства. С другой стороны, вновь пересмотренное и отмененное в желаемое время последнее судебное решение, вступившее в законную силу, в целом может ослабить веру людей в справедливое судебное разбирательство и исполнение конечного судебного решения.

В связи с этим позиция КС АР в части обеспечения принципа правовой определенности основана на широкой практике статьи 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека, на недопустимости оспаривания уже вступившего в законную силу судебного решения. КС АР в своих решениях указал на важность в судебной практике защиты принципа *res judicata*, то есть вступившие в законную силу решения суда не должны быть повторно оспариваемыми.

Однако азербайджанское законодательство в сфере гражданско-процес-

суального права допускает пересмотр в порядке дополнительной кассации решений суда, вступивших в законную силу, при этом не уточняя четкие грани оснований пересмотра. Например, Гражданско-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (далее – ГПК АР), даже устанавливая границы полномочий суда на стадии дополнительной кассации, статьей 429.0.2 четко не определяет эти процессуальные рамки. В указанной статье отмечается, что Пленум Верховного Суда Азербайджанской Республики вправе внести определенные изменения в решение суда кассационной инстанции, однако не уточняется, в каких именно рамках допустимы такие «изменения» ГПК АР.

В решении ЕСПЧ по делу Л.П. Рахмановой против Азербайджанской Республики от 10 июля 2008 года сказано, что формально Пленум Верховного Суда Азербайджанской Республики в своем решении от 11 января 2002 года на основании статьи 429.0.2 ГПК АР «изменил» уже вступившее в законную силу решение суда, и это «изменение» может расцениваться как «отмена» [9]. ЕСПЧ позитивно оценил позицию КС АР, которая заключалась в том, что на основании статьи 429.0.2 ГПК АР Пленум Верховного Суда Азербайджанской Республики не дается право «изменять» решение кассационной инстанции Верховного Суда Азербайджанской Республики по фактическим и правовым ошибкам, поскольку это фактически может расцениваться как новое решение, принятое по данному делу. В процессуальном порядке Пленум Верховного Суда Азербайджанской Республики правомочен лишь вернуть дело в нижестоящую инстанцию для нового рассмотрения. Таким образом, Пленум Верховного Суда Азербайджанской Республики на основании статьи 429.0.2 ГПК АР может лишь внести технические изменения, не внося изменений в уже полученные результаты после рассмотрения дела по существу.

С точки зрения азербайджанской судебной конституционной практики решения судов с позиции *res judicata* (разрешенное дело) и с учетом соблюдения принципа правовой определенности должны пересматриваться очень внимательно (осторожно). На протяжении длительного срока, в частности в советский период, в Азербайджане по отношению к судебным решениям существовал общий надзор. Этот надзор осуществлялся посредством прокуратуры и Верховного Суда Азербайджанской ССР.

С конца 1990-х годов результатом начатой судебной реформы стал в первую очередь отказ от полномочий общего прокурорского надзора в пользу судебного контроля. С 2000 года вступившие в силу кодифицированные процессуальные нормативно-правовые акты с целью защиты принципа правовой определенности установили для судебных решений особые сроки контрольного механизма, что в настоящее время допустимо только в порядке дополнительной кассации.

В результате конституционных реформ 2009 года с целью гарантии правовой определенности в статью 131 Конституции Азербайджанской Республики было включено дополнение об обязательном порядке опубликования решений Верховного Суда Азербайджанской Республики. Обязательное опубликование решений Верховного Суда Азербайджанской Республики, с одной стороны, создает условия для свободного, независимого мониторинга и обобщения опубликованных решений этого суда, а с другой – позволяет четко видеть позицию Верховного Суда Азербайджанской Республики, что в обоих случаях создает условия для наблюдения за обеспечением правовой определенности с позиции единой практики высшего суда.

Следующим важным элементом с точки зрения правовой определенности в судебной практике является рассмотрение дела «в разумный срок». ЕСПЧ в своем постановлении по делу «Коэм

и другие против Бельгии» от 22 июня 2000 года определил, что с точки зрения принципа правовой определенности важность рассмотреть дело в «разумные сроки» носит универсальный характер, и с точки зрения права в этом не должно быть исключений. Однако требование рассматривать «в разумные сроки» не исключает значение доказательств, создает условия для их правильной и объективной оценки [10].

ЕСПЧ вынес достаточно много решений в отношении жалоб граждан против России, связанных с нарушением рассмотрения дел «в разумные сроки». Причиной наличия таких решений в большом количестве стало то, что в правовой системе Российской Федерации имелся неограниченный в сроках надзорный институт над судебными решениями (например, решения по делам «Рябых против России» 2000 года, «Волкова против России» 2005 года, «Кутепов и Аникеенко против России» 2005 года).

В результате большого пересмотра в Российской Федерации порядка надзора над вступившими в законную силу решениями судов Комитет министров Совета Европы в 2006 году принял Резолюцию № 1516 по вопросам исполнения решений ЕСПЧ, в которой отметил важность защиты принципа правовой определенности. В частности, в статье 10.2.3 указанной резолюции Комитет министров Совета Европы, отмечая серьезные недостатки в организации и функционировании судебной системы в Российской Федерации, среди наиболее значительных недостатков подчеркнул «нарушение требования правовой определенности в результате широкого применения практики кассации имеющих обязательную силу решений суда «в порядке надзора» [11]. В определенной степени под влиянием международного документа в 2007 и 2012 годах были сделаны значительные изменения в ряде статей Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), на основе рекомендации ЕСПЧ статья 387 ГПК РФ была исключена из законодательства.

В странах, в которых судебный прецедент является источником права, судебная практика с позиции принципа правовой определенности не рассматривается как строгое, единое, неизменное условие. У. Бернам отмечает, что смена позиции Федерального Верховного суда США по определенным делам за десятилетний отрезок времени является естественным явлением [12, с. 113]. Однако даже в судебной практике стран, относящихся к англосаксонской правовой системе, принцип правовой определенности имеет большую ценность и значимость.

Принцип правовой определенности является объективным условием в судебной системе. В правовых отношениях каждый субъект ожидает норму или судебное решение, не противоречащее конституционным ценностям, нормативно-правовым актам и в целом логике правовой системы. Эти ожидания должны быть заранее прогнозируемыми. Даже ожидания, связанные с ретроспективным применением права, должны обосновываться с учетом конституционных требований.

КС АР, оценивая вопросы ретроспективности нормативно-правовых актов, в своем Решении «О толковании некоторых положений Закона Азербайджанской Республики о государственном обязательном личном страховании военнослужащих» от 28 января 2014 года отметил, что принцип правовой определенности, то есть ожидание новых правовых норм (заранее ожидаемых, не противоречащих ценностям и логике правовой системы) в законодательстве, должен быть одним из основных показателей правового государства. Одним из компонентов принципа правовой определенности является недопущение обратной силы правовых норм, ухудшающих правовое положение личности [13].

КС АР в ряде своих постановлений рассмотрел с позиции защиты правовой определенности вопросы судебной подведомственности исков (предположительность предоставления исков в

общие либо административно-экономические суды) с позиции предмета спора [14]. Таким образом, КС АР на основании обращений апелляционного и региональных административно-экономических судов, представляя толкование неоднозначных (двусмысленных) норм, внес существенный вклад в защиту принципа правовой определенности в правовой системе Азербайджанской Республики.

Безусловно, что КС АР, внося определенную ясность в вопрос подведомственности, не стремился заменить функции Пленума Верховного Суда Азербайджанской Республики. Однако в рамках полномочий относительно компетенции толкования нормативно-правовых актов, предоставленной статьей 130 Конституции Азербайджанской Республики, КС АР смог внести определенную контрибуцию в защиту принципа правовой определенности.

При этом не следует забывать, что в практике стран, в которых есть несколько высоких по статусу судебных органов, высшим судебным органам нельзя создавать условия для различных позиций по важным конституционным принципам. По этому поводу Г.А. Гаджиев утверждает, что в конституционной системе деятельность нескольких высших судебных органов для обеспечения принципа правовой определенности создает определенные риски [15, с. 17]. Это высказывание является в определенной степени обоснованным.

В заключение следует отметить, что важным критерием принципа правовой определенности является недопустимость бесосновательного пересмотра дела при наличии вступившего в законную силу конечного решения суда по данному делу. Полномочия высших судов по изменению или отмене обязательного и окончательного для каждой из сторон судебного решения должно использоваться в крайних случаях для исправления фундаментальных ошибок. Пересмотр вступивших в закон-

ную силу решений суда без каких-либо серьезных правовых оснований существенно вредит принципу правовой определенности. Нарушение же принципа правовой определенности в итоге может привести к неэффективности судебных решений и понижению авторитета всей судебной власти.

Ключевые слова: конституционный контроль, права человека, правовая определенность, принцип правовой определенности, Европейский суд по правам человека, судебное решение, пересмотр судебного решения.

Статья посвящена рассмотрению роли судебных органов, в том числе органов конституционного правосудия, в обеспечении принципа правовой определенности. Обосновано, что важным критерием принципа правовой определенности является недопустимость безосновательного пересмотра дела при наличии вступившего в законную силу решения суда по данному делу.

Статтю присвячено розгляду ролі судових органів, у тому числі органів конституційного правосуддя, у забезпеченні принципу правової визначеності. Обґрунтовано, що важливим критерієм принципу правової визначеності є неприпустимість безпідставного перегляду справи за наявності рішення суду за цією справою, яке набрало чинності.

The article considers the role of the judiciary bodies, including the bodies of constitutional justice, to ensure the principle of legal certainty. The author comes to the conclusion that an important criterion of the principle of legal certainty is unacceptable groundless retrial of an enforceable court decision on the case.

Литература

1. *Case of Kruslin v. France* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57626>.

2. *Case of the Sunday Times v. the UK* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57584>.

3. *Case of Baranowski v. Poland* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58525> ; *Case of Jėčius v. Lithuania* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58781> ; *Case of Rakevich v. Russia* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-61414> ; *Case of Ignatov v. Russia* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-80643> ; *Case of Vladimir Solovyev v. Russia* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-80633>.

4. О толковании некоторых положений статей 59.1.9 и 60 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.constcourt.gov.az/decisions/223>.

5. О нормативно-правовых актах : Конституционный Закон Азербайджанской Республики от 21 декабря 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.constcourt.gov.az/laws/24>.

6. Государственное право Германии : в 2 т. / под ред. Б.Н. Топорнина. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1994– . – Т. 2. – 1994. – 320 с.

7. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии / Г.А. Гаджиев, К.А. Коваленко // Журнал Конституционного правосудия. – 2012. – № 5(29). – С. 12–19.

8. О проверке соответствия Постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 24 октября 2011 года Конституции и законам Азербайджанской Республики : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики по жалобе И. Шабановой от 27 августа 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.constcourt.gov.az>.

9. *Case of Rahmanova v. Azerbaijan* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-87418>.

10. *Colme and others v. Belgium* [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-59194>.

11. Резолюція № 1516(2006) об исполненні рішень Європейського суду по правам людини [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BOct2006%5D/res1516_rus.asp.

12. Бернам У. Правовая система США / У. Бернам ; пер. с англ. А.В. Александрова ; науч. ред. В.А. Власихина. – М. : Новая юстиция, 2006. – 1216 с.

13. О толковании некоторых положений Закона Азербайджанской Республики о государственном обязательном личном страховании военнослужащих : Решение Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 28 января 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступу : <http://www.constcourt.gov.az/decisions/284>.

14. О толковании статьи 372.5 Гражданско-процессуального кодекса Азербайджанской Республики в сравнении со статьями 155, 156 и 372.4 данного кодекса : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 27 августа 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступу : <http://constcourt.gov.az/decisions/239> ; О толковании статьи 30 Гражданско-процессуального кодекса Азербайджанской Республики : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 28 марта 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступу : <http://constcourt.gov.az/decisions/267>.

15. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении / Г.А. Гаджиев // Сравнительное Конституционное обозрение. – 2012. – № 4(89). – С. 14–19.